

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ АЗИИ

ТЮРКОЛОГИЧЕСКИЙ
СБОРНИК

*К ШЕСТИДЕСЯТИЛЕТИЮ
АНДРЕЯ НИКОЛАЕВИЧА
КОНОНОВА*

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1966

Н. А. Баскаков

О НЕКОТОРЫХ ТИПОЛОГИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЯХ В СИНТАКСИСЕ СОВРЕМЕННЫХ ТЮРКСКИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ЯЗЫКОВ

Общественные условия, возникшие после Великой Октябрьской социалистической революции, вызвали глубокие изменения во всех языках народов СССР, общественные функции которых в связи с усложнением производственных и общественных отношений необычайно расширились. Эти изменения языков характеризуются: а) расширением значимости литературных языков как основных языков национальных республик и областей; б) необычным ростом словарного состава национальных языков и в) некоторыми сдвигами в развитии фонетической структуры и грамматического строя.

Процессы формирования литературных национальных языков протекали неравномерно для отдельных конкретных языков, и эта неравномерность зависела, с одной стороны, от степени развития языков к моменту Великой Октябрьской социалистической революции, а с другой — от объема общественных функций данного конкретного языка в новых, советских условиях.

Процессы эти для старописьменных языков усложнились борьбой между традициями старописьменных языков и нормами новых современных национальных литературных языков на новой, более близкой к общенародному языку, диалектной основе.

Вместе с процессами стабилизации, совершенствования и нормализации новых литературных национальных языков на национальной основе происходили и некоторые сдвиги и изменения в языках, относящиеся к их типологической характеристике.

Расширение и развитие многообразных форм общения в связи с усложнением общественных отношений способствовали появлению в конкретных литературных языках многообразных стилей и жанров, которые формировались как за счет прямого заимствования литературных канонов и соответствующих язы-

ковых средств, в первую очередь разнообразной лексики и терминологии, так и за счет использования внутренних средств языков и в первую очередь расширения и усложнения лексических значений и грамматических моделей, а также заимствования в литературный язык из диалектов и разговорного языка диалектной и просторечной лексики и дублетных синонимических грамматических форм, которые дифференцировались стилистическим их использованием, что способствовало в свою очередь некоторой типологической перестройке языка и некоторым его преобразованиям.

Из стилистических разновидностей современных литературных языков наиболее оформившимися являются: а) язык поэзии, характеризующийся лексическими и грамматическими архаизмами, оставшимися в наследство по традиции от старых норм классических средневековых языков, например староузбекского, старотуркменского, староазербайджанского и др.; б) язык художественной прозы и драматургии, характеризующийся наличием диалектных, просторечных и разговорных элементов в лексике и грамматике; в) язык научно-публицистический со значительными группами заимствованной лексики; г) эпистолярный и канцелярский стили, характеризующиеся значительными элементами разговорной речи, инверсией в составе словосочетаний и предложений и пр.

В развитии литературных языков в советскую эпоху в деле жанрово-фразеологических и синтаксических средств языка огромную роль сыграла национальная советская художественная литература. Язык художественной литературы, являющийся одним из главных источников литературного языка, служит ярким показателем богатства и выразительных возможностей общенародного языка.

Язык художественной литературы, прошедший большой путь развития в советскую эпоху, характеризуется образностью и общедоступностью, отсутствием узкоспециальных терминов, не известных широким слоям народных масс, творческим использованием постоянно развивающихся общенародных речевых средств, исключением из употребления малопонятных арабских и персидских слов и выражений. Кроме того, художественная литература служит той лабораторией, в которой выковываются и выкристаллизовываются синонимика, неологизмы, архаизмы, диалектизмы и другие жанрово-стилистические средства единого национального языка.

Дифференциация стилистических разновидностей литературного языка в настоящее время для многих младописьменных литературных языков находится еще в начальной стадии разви-

тия, хотя некоторые типологические преобразования и в младописьменных языках уже произошли и являются заметными по отношению к началу их формирования.

Эти преобразования коснулись прежде всего лексической структуры языка, изменения системы значений подавляющего большинства слов под влиянием новых понятий, возникших в языке, для обозначения которых, помимо прямых заимствований, использовались и коренные слова конкретных языков.

Менее существенной перестройке подвергалась фонетическая структура языка, в которой также, наряду с прямыми заимствованиями звуков, изменились в некоторой степени и фонетические закономерности.

В истории тюркских языков известны типологические сдвиги в фонетической структуре различной степени и интенсивности. Так, от простого заимствования какой-либо фонемы, например гласного *э* в казахском, каракалпакском, ногайском и некоторых других тюркских языках, которое не оказало никакого влияния на перестройку фонетической структуры этих языков, до полной трансформации системы вокализма в таких языках, как узбекский или новоуйгурский, в которых заимствование иноязычной лексики и непосредственные контакты с языками другой фонетической структуры совершенно изменили не только состав вокализма, но и его основные закономерности.

Некоторыми незначительными изменениями характеризуется и морфология конкретных языков, главным образом в части расширения значений падежей и появления новых форм управления: более широким употреблением форм согласования во множественном числе, сокращением форм согласования по категории принадлежности, многообразием стилистического использования различных спрягаемых форм глагола и некоторыми другими особенностями; наконец, произошли соответствующие изменения и в синтаксисе как младописьменных, так и некоторых старописьменных языков.

Темой настоящего сообщения является наблюдение над некоторыми типологическими изменениями в области синтаксиса конкретных тюркских языков, которые также самым тесным образом связаны с развитием разнообразных стилей, вызванных расширением общественных функций конкретных языков.

Из многообразных изменений, происходящих в синтаксисе конкретных тюркских языков, мы остановимся в настоящем сообщении на четырех основных явлениях: а) инверсии в составе словосочетаний и предложений; б) развитии конструкций с вводными словами и предложениями; в) активизации во всех жанрах обособления отдельных членов предложения и г) развитии много-

образных форм сложноподчиненного союзного предложения с придаточными предложениями. Некоторые из этих явлений в весьма слабой мере в зачаточном состоянии встречались в тюркских языках, как в древних и средневековых, так и в новых. В современных же языках указанные явления не только активизировались и стали продуктивными, но они в значительной степени изменили общий характер стандартного тюркского синтаксиса письменных литературных языков.

Инверсия, т. е. изменение обычного порядка членов словосочетаний и предложений, — явление не новое для тюркских языков. В некоторых тюркских языках, как в старых, например в куманском, половецком, языке каменецподольских армян, так и в современных караимском, гагаузском, свободный порядок членов предложений и словосочетаний широко использовался и используется как в устной, так и в письменной речи. Относительно свободное расположение частей в словосочетаниях и предложениях характерно для большинства языков в разговорной их форме. В письменных же языках, в соответствии с установленными канонами, соблюдались ранее стандартные нормы. С переходом литературных языков на новую диалектную основу, на близкое к разговорным нормам общенародное койне, эти стандартные нормы под влиянием внешних факторов и в силу развития различных стилистических жанров стали нарушаться. В художественной литературе, в выступлениях политических и общественных деятелей, в научной литературе и пр. все чаще стали встречаться синтаксические конструкции с нарушением стандартного порядка слов в предложениях, которые использовались для более экспрессивных выражений с многообразной структурой.

В качестве иллюстрации приведем следующие примеры синтаксических конструкций по различным тюркским языкам, которые в данном синтаксическом использовании стали уже нормой для этих языков.

аз.: *Данлыыр Баку!* 'Говорит Баку!'; *јашасын суһ!* 'Да здравствует мир!'; *Рэдд олсун атомчулар!* 'Долой атомщиков!'; *Мэһв олсун, фашизм!* 'Смерть фашизму!'

В этих кратких экспрессивных предложениях инверсия основных членов давно уже стала нормой, хотя общей стандартной нормой для азербайджанского языка является такой порядок, при котором подлежащее должно быть в препозиции к сказуемому.

туркм.: *Агамжан, ынаның мениң сөзүме* (вместо *мениң сөзүме ынаның*) 'Братец, верьте моим словам'; *Ниреден алдым бейле*

багты! (вместо *бейле багты ниреден алдым*) 'Откуда мы получили такое счастье!';

башк.: *Ярата инек без уны* 'Любили мы его'; *Можкинме һуң, Айһылу ул көрәштән, ситтә торорға?* 'Разве можно Айхылу от той борьбы стоять в стороне?';

кумык.: *Айтыгъыз мен тынглап турман!* (вместо *Мен тынглап турман, айтыгъыз*) 'Скажите, я слушаю';

алт.: *Кече мен көргөм оны* 'Я его видел вчера'; *Анда болбоом мен* 'Там не был я'.

Можно привести и другие примеры, где для большей выразительности используется нестандартный порядок слов в предложении.

Широкое распространение в современных тюркских языках получили вводные слова и предложения, которые в старописьменных, да и в современных младописьменных языках на первых этапах их развития встречались только в поэтическом жанре.

узб.: *Бу бола, мен ўйлайман, сизни алдаб кетмайди* 'Этот мальчик, я думаю, вас не обманет'; *Кечаси бирдан, мен шу вақт ишлаб ўтирган эдим, дарвоза тақиллади* 'Ночью вдруг, я в это время работал, постучали в ворота';

туркм.: *Сен мени өлдүрме, белки бир вагт болар, мениң де саңи көмегим дегер* 'Ты меня не убивай, может быть и моя помощь когда-нибудь пригодится';

башк.: *Бөтөнлай, мин уйлаганса булып, сыжманы был егет* 'Совершенно другим, чем я думал, оказался этот парень' и т. п.

Нехарактерными для тюркских литературных языков были также так называемые обособленные члены предложения, которые в современном языке во всех стилистических разновидностях широко используются, ср., например:

башк.: *Ә без, бисәләр, ситтән генә җарап тора алмай инек* 'А мы, женщины, раньше не имели права даже со стороны смотреть'; *Ағаңды, Фарукты, ярамай ул* 'Твоего дядю Фарука не любил он'; *Һезең хакта, иске тура халдат тураһында, мин летчиктән һораһырмын инде* 'А о вас, старом, честном солдате, я уж летчика расспрошу'.

Но наибольшей трансформации в современных языках подвергся синтаксис предложений с подчинительными конструкциями. Известно, что в типичной синтаксической структуре тюркских языков для предложений с подчинительными конструкциями были характерны простые предложения, усложненные масдарными, причастными и деепричастными оборотами. Эти обороты включались в состав предложения как своеобразно построенные определительные притяжательные группы с определением — смысловым субъектом — в родительном падеже и опре-

деляемым — смысловым предикатом, выраженным либо масдаром или причастием с аффиксом принадлежности, согласованным с лицом определения, либо деепричастием.

В большинстве современных тюркских языков наряду с использованием характерного для тюркских языков типа подчинительных конструкций стали широко употребляться также и сложноподчиненные союзные и бессоюзные предложения с придаточными предложениями, которые соединяются с главным предложением либо путем простого примыкания, либо посредством различного рода подчинительных союзов, представляющих собой грамматикализовавшиеся формы местоимений или утратившие реальное значение краткие вводные предложения, например:

узб.: *Мен бу сирни сизга айтаман, қачонки сиз ўз ваъданигни бажарсангиз* 'Я раскрою эту тайну тогда, когда вы выполните свое обещание' или

Мен бу ишни бажараман қачонки дирекция менга тегишли ша-роит туғдириб берса 'Я выполню эту работу, когда дирекция создаст мне соответствующие условия'.

В данном примере, кроме диаметрально противоположного размещения главного предложения и подчиненной группы, то и другое предложения соединены местоимением *қачон* 'когда' с относительным местоимением *ки*.

башк.: *Бер Баймак районында ғына һуңғы йылдарза илле ике мең гектар сизәм ер асылды, ошо аржала был район үзе генә уткән йылда дәүләткә алты миллионға яқын бот иген һатты* 'В одном только Баймакском районе в последние годы было поднято пятьдесят две тысячи гектаров целины, поэтому только один этот район в минувшем году продал государству около шести миллионов пудов хлеба';

Безең ватан — гөл баксаһы, шуның өсөнһөйәбез 'Наша родина — цветущий сад, поэтому мы любим ее';

Бында эш қайнай, шуға күрә күңәлле 'Здесь работа кипит, поэтому и весело';

кумык.: *Чакъ ялав, будай тегюлюп бола, шо саялы юрит интеллигенцияны кёмеги керек* 'Погода жаркая, стала осыпаться пшеница, поэтому нужна помощь сельской интеллигенции'.

Типологические изменения в синтаксисе современных тюркских языков могли бы быть проиллюстрированы многочисленными примерами из различных тюркских языков, но и приведенные здесь примеры позволяют сделать общий вывод о необычайной устойчивости синтаксического строя тюркских языков, типологические изменения которых, как правило, не нарушают основных синтаксических особенностей, характерных для тюркских языков.

Прежде всего показательно то, что типологические изменения в грамматической структуре тюркских языков и, в частности, в их синтаксисе происходят чрезвычайно медленно. Эти изменения не представляют собой каких-либо коренных сдвигов в языке и трансформации всех основных синтаксических конструкций предложений и словосочетаний, но являются всего лишь активизацией тех или иных синтаксических, до этого времени непродуктивных или мало продуктивных, моделей под влиянием внешних или внутренних импульсов, а именно воздействием на тюркские языки других языков с иной синтаксической структурой или имманентным развитием и повышением продуктивности тех или иных существующих в языке конструкций предложений и словосочетаний.

В отличие от фонетической структуры тюркских языков, которая с течением времени может в более значительной степени видоизмениться и трансформировать основные фонетические закономерности, грамматический строй тюркских языков и, в частности, синтаксис остается всегда относительно устойчивым, и все типологические изменения, даже в таких современных тюркских языках, как гагаузский или караимский, где синтаксис имеет много своеобразных особенностей, ограничиваются только частичными, не нарушающими общей структуры, сдвигами, сущность которых не противоречит общим для всех тюркских языков разговорным нормам.

Любопытно, что типологические изменения в структуре основных синтаксических единиц, отмеченные выше, для истории некоторых старописьменных языков не являются новыми, появившимися только впервые. Известно, например, что в старососманском, староазербайджанском, в староузбекском и в некоторых других старописьменных языках как различного рода инверсии членов предложений и словосочетаний, так и активизация сложноподчиненных конструкций с придаточными предложениями были широко употребительны не только в поэтическом, но и в прозаическом жанрах. С изменением основы литературных языков эти конструкции то активизировались и становились более продуктивными, то затухали и превращались в малопродуктивные, но неизменно сохраняясь в качестве потенциальных средств языка.

Приведенные здесь наблюдения ни в какой мере не исчерпывают всех синтаксических изменений, происходящих в синтаксисе современных тюркских языков. Настоящие заметки имеют целью только привлечь внимание тюркологов к исследованию всех этих изменений, к их анализу и классификации, как явлений, характеризующих типологию современных тюркских языков.